

Л.А. Пименова

ТЕЛО, СЕМЬЯ, МАШИНА:
ИГРА СОЦИАЛЬНЫХ МЕТАФОР
ВО ФРАНЦИИ XVIII в.

Из метафор, употреблявшихся во Франции XVIII в. для обозначения общества и государства, наиболее распространенными были три: тело, семья и машина. Другие социальные метафоры, такие как сад или дом¹, встречались гораздо реже и не шли с ними ни в какое сравнение по популярности.

К метафоре тела охотно прибегали французские монархи. Людовик XIV в своих «Мемуарах» писал о государстве/обществе как едином теле, головой которого является монарх, а подданные – членами². В королевской речи, произнесенной в Парижском парламенте от имени Людовика XV на «сеансе Бичевания» 3 марта 1766 г., гневно обличались магистраты, которые осмеливались отделять тело нации от монарха, тогда как их права и интересы нераздельны³.

Метафора семьи была особенно близка Людовику XVI. Именно она чаще других встречается в его собственных заметках и в официальных документах периода его царствования. В юном возрасте в «Размышлениях» о беседах с наставником, герцогом де Ла Вогийоном тогда еще наследник престола Людовик-Август уподобил французскую монархию большой семье во главе с королем-отцом: «Монархическая власть и вообще любая власть, которой обладает правительство над нацией, имеет своим принципом и источником отеческое управление; так что король – это отец большой семьи»⁴. И много лет спустя, уже в начале революции король в публичной речи по-прежнему именовал себя «общим отцом всех своих подданных»⁵.

В рукописных заметках Людовика XVI встречается и сравнение государства с машиной: «Есть монархии, подобные машинам, простота коих доведена до совершенства. Казалось бы, большее число пружин и сцеплений могло ускорить их ход, но на деле лишь уменьшило бы точность и силу»⁶. Правда, это рассуждение принадлежит не самому королю Франции, а, по его собственным словам, было заимствовано у прадеда, Станислава Лещинского.

Все три метафоры – тело, семья и машина – были весьма старыми и традиционными. Государство-тело и государство-семья вообще принадлежат к числу «вечных» метафор, уходящих корнями в Античность и в христианскую традицию. Они использовались в сочинениях древних классиков, Платона и Аристотеля, к которым постоянно обращалась европейская политическая мысль Нового времени⁷. В христианской традиции метафора государства-тела наполнилась новым смыслом через уподобление его Церкви как Телу Христову⁸.

В средневековой французской политико-правовой мысли вошла в обиход метафора тела применительно к королевству и стала проводиться аналогия между королем – главой тела королевства – и Христом – главой Церкви. На рубеже XIV–XV вв. в сочинениях Эварара де Тремогона, Жана Жювенала дез Юрсена, Жана Жерсона и автора, писавшего под латинским именем Иоаннес де Терра Рубеа⁹, сложилась концепция «мистического тела государства», подобного телу Церкви¹⁰. Так, Иоаннес де Терра Рубеа в трактате, отстаивающем права дофина Карла (будущего Карла VII) на французский престол, рассуждал о «мистическом теле королевства», главой которого является король и которое каждый его член должен хранить и защищать ценой собственной жизни¹¹. Сто лет спустя, в начале XVI в. Клод де Сейссель в трактате «Французская монархия» говорил о том, что король Франции поддерживает равновесие между сословиями внутри «мистического тела» монархии¹².

Использование метафоры политического тела сыграло важную роль в развитии доктрины французской монархии. С помощью этого образа французские легисты обосновывали ограничение личных прав короля в том, что касается наследования короны, организации государственного аппарата и неотчуждаемости домена. По словам современного исследователя Робера Десимона, «здесь мы имеем дело с антиволюнтаристской концепцией закона, который не исходит ни от государя, ни от народа, ни от какой-либо человеческой воли вообще, а лишь из высшего права, имеющего Божественное основание и воплощенного в целостной политической общности»¹³. Получалось, что закон может исходить только от создателя государства-тела, т.е. от Творца. В конце XV в. в развитие телесной метафоры и в дополнение к ней появляется метафора брака короля с короной, в соответствии с которой король уподоблялся Христу, а корона – Церкви. В рамках этой метафоры корона обретала телесность, становясь моральной персоной, или политическим телом.

Употребляя метафору тела в рассуждениях о государстве, французские авторы XVIII в. опирались не только на многовековую национальную традицию, но и на органицистские топосы политической мысли Нового времени. Популяризации телесной метафоры немало способствовал созданный Томасом Гоббсом образ государства-Левифана. У Гоббса уподобление политического тела государства естественному телу человека доходило до того, что он обнаруживал у государственного организма болезни, похожие на лихорадку, плеврит, опухоли и т.д.¹⁴ Джон Локк, говоря уже не о государстве, а об обществе, постоянно называл его «политическим телом» и «единым политическим организмом»¹⁵.

Наряду с получившим широкую известность персонифицированным образом государства-Левиафана Гоббс употреблял и сравнение государства с семьей, а власти монарха – с властью отца над детьми¹⁶. Французские идеологи абсолютной монархии, со своей стороны, постоянно уподобляли короля отцу семейства¹⁷. «Если мы будем рассматривать природу более внимательно, то повсюду увидим монархию. ⟨...⟩ чем является семья, как не точным образом государства?»¹⁸ – восклицал основоположник теории королевского суверенитета Жан Боден. Вслед за ним Жак-Бенинь Боссюэ утверждал, что власть короля по сути своей подобна власти отца семейства¹⁹.

Положение короля по отношению к государству-телу могло представляться трояко. Во-первых, король был неотъемлемой частью, а именно головой или – другой вариант – душой этого тела. Во-вторых, король находился вне государства-тела и вступал с ним в брачный союз. В данном случае, когда король выступал в роли супруга, т.е. отца семейства, метафора тела тесно сближалась с метафорой семьи. В-третьих, тело самого короля становилось метафорой, или персонификацией государства. При этом один образ не исключал другого. Так, в проповеди Жана Соанена «О любви к родине» (1683) соединились все три: «Недостаточно, говорит Святой Бернар, отдавать все свои силы и таланты на службу Государству, но надо еще отдать всего себя. Мы суть тело, продолжает Святой Отец, главу коего образуют суверен и родина, и мы каждодневно жертвуем телом, дабы спасти голову; но есть опасность, что, встречая лицом к лицу самые великие опасности, выказывая знаки мужества и достоинства, мы будем больше думать о себе, нежели о благе Государства!»²⁰ Король в этой проповеди предстает главой политического тела, но он является главой совместно с родиной. Образ короля соединяется с образом родины – некой универсальной абстракции, которая возвышается над политическим телом, состоящим из множества членов. Король и родина не одно и то же, они не сливаются, хотя и неразрывно соединены друг с другом.

В период становления абсолютных монархий в Европе получила распространение метафора государства-машины. К ней прибегал, в частности, Паскаль, говоря о том, что все королевское окружение – гвардейцы, барабаны, чиновники и т.д. – «внушают машине уважение и страх»²¹. Обращение к этой метафоре было связано с представлениями об искусстве управлять и об использовании государства в качестве инструмента, служащего целям и интересам правителя²². В отличие от метафор тела и семьи, предполагающих неразрывную связь короля с подданными и даже внутринаходимость короля как головы единого коллективного тела или отца семейства, в случае с метафорой государства-машины король находится вне машины и

управляет ею. Вошедшее в обиход при Людовике XIV понятие «ремесло короля» (*le métier du roi*) подразумевало именно такой образ короля-«технаря», инженера, управляющего государственной машиной²³. В идейно-культурном контексте Нового времени метафоры машины и тела были связаны с двумя теориями государственного и общественного устройства: механицистской и органицистской.

Как же и с какой целью употребляли метафоры тела, семьи и машины авторы XVIII в.? Каким метафорам в каких случаях они отдавали предпочтение? Что именно описывали и объясняли с их помощью?

1. МЕТАФОРА ТЕЛА

Французские правоведы XVIII в. продолжали пропагандировать традиционные представления о короле как неотъемлемой и важнейшей части тела монархии, как живом ее олицетворении. По словам одного из них, король «принадлежит всем, потому что ему вверено все; он более не принадлежит самому себе, потому что неотделим от тела, душой которого он является»²⁴.

Метафора тела не была чужда и просветителям. В просветительской литературе метафорическое представление о государстве/обществе как о живом организме нашло последовательное выражение в написанной шевалье Луи де Жокуром статье «Государство» из «Энциклопедии» Дени Дидро и Жана Д'Аламбера. По словам де Жокура, «можно рассматривать *государство* как моральную персону, голова которой – суверен, а части тела – частные лица; вследствие этого данной персоне приписывают определенные свойственные ей действия и определенные права, отличные от прав отдельных граждан, причем ни один гражданин, ни несколько не могут присвоить себе эти права. Это объединение нескольких личностей в одно тело, совершенное при помощи воли и силы каждого отдельного лица, отличает *государство* от толпы; ибо толпа есть лишь собрание нескольких личностей, каждая из которых обладает своей частной волей; в отличие от этого, *государство* есть общество, обладающее одной-единственной живой душой, которая постоянно направляет все его движения относительно к общей пользе. Вот счастливое *государство*, *государство* в превосходной степени. (...) Таким образом, политическое тело, или *государство* образуется соединением воли, поддержанным высшей властью; и без этого невозможно представить себе гражданское общество. К тому же, у политического тела, как и у человеческого тела, различают здоровое состояние, хорошее сложение и болезненное состояние. Его болезни происходят или от злоупотребления верховной властью, или от плохого устройства *госу-*

дарства; и их причины следует искать в недостатках тех, кто правит, или в пороках самого правления»²⁵. Де Жокур излагает здесь целую концепцию государства как организма, пытаясь применить естественно-научный подход для объяснения политических процессов. Употребленная де Жокуром метафора тела является выражением свойственной ему холистической и реалистической концепции государства как реально существующей целостности, отличной от совокупности составляющих его граждан.

К метафоре тела прибегал и Жан-Жак Руссо, во многом разделявший те же представления о государстве, что и де Жокур. У Руссо индивиды, заключающие между собой общественный договор, образуют в результате «моральное и коллективное тело»: «Этот акт ассоциации в момент заключения его ставит на место отдельной личности каждого вступающего в договорные отношения моральное и коллективное тело, состоящее из стольких же членов, сколько в собрании голосов, и получающее из того же акта свое единство, свое общее я, свою жизнь и свою волю. Эта, образующаяся таким образом, путем союза всех других личностей, общественная личность называлась когда-то *гражданской общиной* (*cit *), а теперь она называется *республикой* или *политическим телом*; члены же этого политического тела дают ему название *государства*, когда оно пассивно, *суверена*, когда оно активно, и *державы*, когда они сравнивают его с подобными же телами. По отношению к участникам они коллективно принимают имя *народа*, а в отдельности называются *гражданами*, как участники суверенной власти, и *подданными*, как подчиненные законам государства»²⁶. Метафора тела у Руссо призвана была подчеркнуть, что каждый вступающий в общественный договор перестает быть автономным индивидом и становится частью коллективного целого – морального и политического тела.

Вопрос о месте короля внутри или вне политического тела у просветителей не ставился. Это и не удивительно. В просветительской мысли политическое тело представляло как независимая от короля моральная персона. Сказанному, казалось бы, противоречат процитированные выше слова де Жокура о суверене как главе политического тела. Однако совсем не очевидно, что сувереном де Жокур именует короля. Он этого не уточняет, но логично предположить, что у него, как и в «Общественном договоре» Руссо, речь идет о коллективном суверене, т.е. о нации.

Истоки такого отделения короля от политического тела монархии показал Р. Десимон, обратив внимание на проводимое французскими юристами XVI в. различие понятий «мистическое тело» и «политическое тело»²⁷. Персонификацией государства, понимаемого как мистическое тело, являлся король. Государство как политическое тело

представлялось надличностной общностью, существующей независимо от монарха. Со временем выявленное Десимоном различие двух понятий только усилилось. В текстах XVIII в. понятие «мистическое тело» вообще перестало употребляться применительно к государству.

Сказанное хорошо видно на примере статьи «тело» (*corps*) в «Словаре Французской академии» (1694), где в числе прочих давалось следующее определение: «Тело, говорится в перен. см. об обществе, объединении нескольких людей, подчиняющихся одним и тем же законам, обычаям и правилам. (...) Государство, Республика, Королевство является политическим телом. Эта Провинция была присоединена к телу Государства. Церковь есть мистическое тело, глава которого – Иисус Христос, а члены – все верные»²⁸. Это определение повторялось во всех последующих изданиях «Словаря Французской академии», вплоть до XX в. включительно. В нем обращают на себя внимание два обстоятельства. Во-первых, метафора государства-тела уже настолько устоялась, что превратилась в расхожее употребление слова «тело» в переносном смысле, официально закрепленное авторитетом словарной статьи. Во-вторых, здесь четко разграничены мистическое тело церкви и политическое тело государства.

Таким же образом понятия мистическое и политическое тело толковались и различались в «Трактате о правах, обязанностях, вольностях, свободах, прерогативах и привилегиях, присущих каждому званию во Франции». Рассуждая о правах французской короны, авторы трактата отмечали, что «Французское королевство, подобно всякому другому, можно рассматривать двояко, то есть либо как политическое тело, либо как собрание личностей, исповедующих культ Верховного Существа»²⁹. Рассматривая королевство как «политическое тело», авторы имели в виду, что частями этого тела являются король и его подданные³⁰. Рассматривая королевство как «собрание христиан», они отмечали, что «в церкви Король предстает в двух качествах, потому что церковь сама по отношению к нему может рассматриваться двояко, то есть как мистическое тело и как внерасположенное общество. (...) С первой точки зрения, Король есть сын церкви и ничего более. Простой член христианской республики, он, подобно последнему из своих подданных, подчиняется тем законам, которые ею управляют (...). Но со второй точки зрения, церковь подчинена королевской власти»³¹. Мы видим, что и в этом трактате понятия мистического и политического тела обозначают разные сущности: первое – Церковь, и только второе – королевство.

Следует оговориться, что в текстах XVIII в. выражение «политическое тело» (*le corps politique*) не всегда использовалось применительно к государству. Под ним могли подразумеваться сословия и корпорации. Полисемантическое слово «corps» может обозначать во

французском языке и тело, и корпус, и корпорацию. Как говорилось в «Универсальном словаре» Антуана Фюретьера, «*corps* означает также некое число людей, которые образуют компанию или ассамблею, созванную государственной властью. Государства состоят из Сословия (*Corps*) Духовенства, Сословия (*Corps*) Дворянства и Третьего Сословия (*Corps du Tiers Estat*). Парламент, Суверенные Курии выступают как корпорации (*en corps*), когда участвуют в церемониях. Об ассамблеях компаний обычно говорят, что это политические корпорации (*des corps politiques*)»³². Этот текст был впоследствии воспроизведен и в «Словаре Треву» в одной из статей, раскрывающих возможные варианты употребления слова «*corps*»³³. В данном случае русским эквивалентом выражения «*le corps politique*» будет «политическая корпорация» или «политическое сословие», так что в переводе на русский язык пропадают всякие телесные аллюзии, хотя во французском оригинале они присутствуют.

2. МЕТАФОРА СЕМЬИ

Уподобление государства или общества семье можно встретить в целом ряде французских толковых словарей и энциклопедий. В «Универсальном словаре» Фюретьера в статье «Семья» сказано было, что «большие *семьи* суть маленькие Государства, подобно тому как Государства суть большие *семьи*»³⁴. В определении общества из «Словаря Треву» говорится, что «человеческое *общество* можно рассматривать (...) как охватывающее весь человеческий род, подобно одной большой семье»³⁵.

Метафора семьи используется и в статье «Общество» из «Методической энциклопедии» Шарля-Жозефа Панкука, где говорится, что «каждая семья образует естественное *общество*, главой коего является отец»³⁶. Эта мысль получает развитие в статье «Семья», в которой метафора общества/государства как семьи соседствует с метафорой тела: «Управление *семьей* и управление политическим телом основано на одних и тех же принципах, первая есть образ второго в миниатюре: оба суть общества, целью коих должно быть благо тех, кто их составляет. Домашняя власть в каком-то смысле является суверенной. Отец *семейства* пользовался некогда и пользуется до сих пор у некоторых народов абсолютной властью, вплоть до права на жизнь и смерть всех, кто ему подчинен, будь то жена, дети или рабы. Возложенные на него обязанности подобны тем, какие приходится исполнять при управлении государственными делами. Он должен быть справедливым со всеми, кто составляет *семью*, и поддерживать в ней мир, изобилие и порядок»³⁷.

3. МЕТАФОРА МАШИНЫ

Из французских мыслителей XVIII в. к метафоре государства-машины особенно часто обращался Шарль-Ирене-Кастель, аббат де Сен-Пьер. У него она разрастается в целую теорию государства как машины, деталями которой являются все лица, состоящие на государственной службе, а управляет которой – король. По словам аббата де Сен-Пьера, «большое Государство можно рассматривать как большую машину, которую Король приводит в движение, нажимая на разного рода пружины. Таким образом, будущему Королю следует знать все основные части своей машины, то есть различные должности и почетные и полезные вознаграждения, которые должны по справедливости раздаваться всем Государственным чиновникам. Ему следует уметь чинить колеса, если между ними нарушается сцепление, то есть если нарушается субординация между Чиновниками. Так что если он с самого детства не освоил каждой из основных частей своего Государства и не понял, каким образом они связаны и, так сказать, сцеплены между собой, то он никогда не сможет научиться искусству хорошо управлять»³⁸.

Излагая эти мысли, аббат де Сен-Пьер подчас переходит от образа государства-машины к образу государства-тела, говоря, например, что «политическое Тело образуется, сохраняется и укрепляется только посредством законов, кои суть правила поведения для членов означенного Тела»³⁹. В контексте его рассуждений эти две метафоры не противоречат друг другу, так как, по словам аббата де Сен-Пьера, человеческое тело – тоже машина, хотя «есть существенная разница между политическими машинами и телесными машинами, коими являются люди. Она состоит в том, что последние день ото дня умирают естественным образом по самым разным причинам, тогда как политическая машина день ото дня естественным образом укрепляется благодаря умножению полезных предписаний, кои суть новые пружины, укрепляющие старые»⁴⁰.

То есть государственную машину можно хорошо наладить, и тогда она будет работать сама по себе, как вечный двигатель. Аббата де Сен-Пьера вообще чрезвычайно занимала идея создания таких безупречно отлаженных, вечно работающих социальных механизмов. Так, самый знаменитый его трактат – «Проект вечного мира» (1713) – был посвящен организации идеального механизма международных отношений. Что же касается государственной машины, то она, по мысли аббата де Сен-Пьера, может вечно и бесперебойно работать при соблюдении определенных условий: если все дела государственного управления четко регламентируются соответствующими законами и предписаниями и если эти законы и предписания регу-

лярно обновляются сообразно духу времени; если на государственной службе имеется достаточное количество судей и чиновников, отвечающих за исполнение законов и предписаний; и, наконец, если эти судьи и чиновники лично заинтересованы в соблюдении законов. «И тогда машина заработает сама по себе. Тогда она будет непрерывно сама себя ремонтировать. Это будет вечное движение; одни люди, сменяющие других, создадут вечную машину, которая работает постоянно, пока колеса хорошо сцеплены друг с другом, то есть пока члены объединены своими частными интересами, отвечающими государственному интересу»⁴¹. При этом было бы полезно примерно раз в три года давать большую премию чиновникам, отличившимся за это время своими доблестями, талантами и усердием на службе. «Это стало бы еще одной пружиной, способной безостановочно ускорять движение политической машины»⁴².

Со временем государственная машина может даже совершенствоваться: «Не следует ждать, чтобы большая машина, состоящая из множества колес, с самого начала набрала всю ту скорость и ту легкость движения, каковые она сможет набрать при помощи наблюдений, сделанных в течение нескольких лет теми, кто приводит ее в движение»⁴³. Число «колесиков и винтиков» государственной машины должно меняться сообразно обстоятельствам. Так, в военное время решения следует принимать быстро, а это возможно лишь при упрощении государственного механизма и сокращении числа его деталей. «Умножение числа колес делает ход машины более мощным и точным, но в ущерб скорости; при необходимости можно будет уменьшить число колес и сделать так, чтобы главные пружины срабатывали беспрепятственно и почти незамедлительно, и тогда скорость машины будет достаточной»⁴⁴. Кстати, подобное рассуждение о соотношении между сложностью устройства и скоростью работы государственной машины появится впоследствии, правда, со ссылкой не на аббата де Сен-Пьера, а на Станислава Лещинского, в приведенном выше отрывке из записок Людовика XVI.

Метафору государства-машины брали на вооружение авторы проектов социально-политических реформ, особенно многочисленных во второй половине XVIII в. Примером может служить «Записка о налогах» (1765), автором которой является генерал-лейтенант королевских армий Шарль-Клод Андро, маркиз де Молеврие-Ланжерон. Предлагая реформу налогообложения, он говорил, что не считает себя вправе вмешиваться в общие вопросы государственного управления, и заключал: «Предоставим людям, сведущим в работе всех пружин, управлять ходом машины и удовольствуемся сами добросовестным исполнением возложенной на нас задачи»⁴⁵. В той же самой «Записке» автор прибегал и к метафоре семьи: если госу-

дарство для него – это машина, то общество – семья. Утверждая, что все подданные короля должны платить налоги, независимо от того, к какому сословию они принадлежат, маркиз де Молеврие-Ланже-рон аргументировал свою мысль следующим образом: «Так как все сословия – одна семья, естественное право диктует, чтобы каждый индивид нес свою часть податей. Желание освободиться от нее равносильно отказу принадлежать к этой семье»⁴⁶.

Мы уже не раз сталкивались с тем, что появление в тексте одной метафоры не исключало использования других. Одним из последних документов дореволюционной французской монархии, прибегнувших к языку социальных метафор, стал «Эскиз древнего французского правления, написанный для обучения г-на дофина, сына Людовика XVI». Его автор маркиз де Лувиль обыграл сразу три метафоры: семьи, тела и машины. Общество, по его словам, «представляется нам как деяние (*comme un fait*), а не как система». С этой точки зрения оно подобно семье и телу. Семья, – пишет де Лувиль, – «уже есть естественный, необходимый и правильный социальный порядок»⁴⁷. Как у живого существа, у общества-тела должна быть душа: «Общество, как моральное тело, нуждается в животворном, стимулирующем, хранящем и направляющем принципе. Этим совершенно нематериальным принципом является оживляющий его дух». «Дух народа» (*l'esprit d'un peuple*) образуют свойственные ему идеи, мнения, обычаи и воспоминания⁴⁸. «Подлинная и неодолимая сила заключена в духе, который движет обществом. У древних это был патриотизм, в Испании – религия, в Англии – дух алчности. Дух Франции самый благородный и просвещенный: это принцип чести, своего рода национальная религия; это патриотизм монархий, более чистый, чем в древности...»⁴⁹.

Таким образом, когда де Лувиль говорит об обществе и о народе, он использует метафоры тела и семьи. Когда он начинает рассуждать о работе государственных учреждений, он прибегает к метафоре машины, хотя и с оговорками: «Пружины учреждения суть правильные способы, с помощью которых оно воздействует на людей и на вещи под основополагающей властью системы собственности и под направляющей властью оживляющего его духа; эта машина выглядит идеальной, если рассматривать ее, абстрагируясь от этого первейшего принципа существования, но эта машина обречена на неподвижность, если животворящий принцип не приведет ее в движение»⁵⁰. Согласно де Лувиллю, получается, что государство можно рассматривать как машину, но это машина особого рода, нуждающаяся в животворящем духе, то есть все-таки, скорее, не бездушная машина, а живой организм. «Поэтому, – заключает де Лувиль, – французская монархия, опирающаяся на три столпа – религию, честь и

труд – и подвластная скипетру, переходящему по наследству по мужской линии, представляет собой сложное тело, не только взятая вместе, но и во всех своих политических, административных, судебных, полицейских и финансовых частях и подразделениях». Исходя из представления о монархии как о едином теле, де Лувиль критикует теорию разделения властей: «В политической администрации все происходит, как в природе. Бесповоротное разделение властей здесь было бы ошибкой, подобной выделению элементов природного вещества: так можно разрушать, но не создавать»⁵¹. В государстве, как в природе, должны царить гармония и единство в многообразии, а не упорядоченная, рациональная правильность: «Единообразие противоречит всем законам природы, упорядоченность которой основана на единстве и согласии множества очевидных неправильностей. Таким образом, государственное управление живо гармонией...»⁵². А гармонию французской монархии, по мысли де Лувилья, образуют все ныне существующие порядки и учреждения: верховная власть короля, права парламента и система продажи должностей, религия, принцип чести, общественные нравы, армия, финансы, различные бюро, королевский двор. «Во Франции, – заключает де Лувиль, – все делается ради целого, а не ради индивидуальностей... все здесь упорядочено и консервативно, потому что все это учреждение основано не на равенстве, на котором... нельзя основать прочное учреждение, а на истинной и благородной свободе, которая рождается и крепнет, опираясь на общественные классы, заинтересованные ее защищать»⁵³.

Итак, маркиз де Лувиль использует сразу три метафоры: общества-семьи, общества (государства)-тела и государства-машины. Все три у него выражают идею единства государства и общества, идею неразрывной взаимосвязи и взаимозависимости составляющих их элементов. Но между этими метафорами есть существенное различие. Машина – это система, состоящая из отдельных деталей; ее можно разобрать на составные части, какие-то из них заменить и собрать по новым чертежам более рациональным образом. Поступить подобным образом с живым организмом (а также с семьей) значило бы либо навредить ему, либо вообще его уничтожить. Поэтому предпочтение отдается все-таки метафорам общества-семьи и общества (государства)-тела.

Как мы уже могли убедиться, каждая из трех рассмотренных метафор могла описывать модели как общественного устройства, так и деятельности государства. Следует иметь в виду, что люди XVIII в., в отличие от наших современников, не всегда проводили четкую границу между понятиями «государство» и «общество». Р. Десимон даже полагает, что идущее от Гегеля и укоренившееся теперь противо-

поставление «государства» «гражданскому обществу» в XVIII в. вообще не было известно⁵⁴. В целом, это мнение справедливо, хотя и требует уточнения. Одни авторы XVIII в., действительно, понимали государство (*l'état*) и общество (*la société*) как синонимы, в то время как другие все же их различали. Хотя столь привычное для нас разграничение государства и гражданского общества в XVIII в. и не стало общепризнанным, но оно уже было известно.

Пример отождествления государства и гражданского общества можно найти в «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера. В статье «Государство» ее автор шевалье Луи де Жокур представляет два понятия как синонимы: «*Государство* (политическое право), родовый термин, обозначающий общество людей, живущих вместе под властью какого-либо правительства, хорошего или плохого. Таким образом, можно определить *государство* как гражданское общество, в котором множество людей соединены вместе под властью одного суверена, чтобы благодаря его защите и заботам пользоваться безопасностью и благополучием, недостающим в естественном состоянии»⁵⁵. В статье «Гражданское общество» оба понятия сближаются по значению, хотя и не отождествляются полностью. По словам ее автора, Антуана-Гаспара Буше д'Аржи, гражданское общество «охватывает политическое тело, которое люди одной нации, одного государства, одного города или другого места образуют вместе, и политические связи, которые объединяют их друг с другом; это гражданские отношения в мире, связи людей между собой как подданных одного государя, как сограждан одного города и как подчиненных одним законам и пользующихся правами и привилегиями, общими для всех, кто составляет это *общество*»⁵⁶. Понятие «политическое тело» в том смысле, в каком его употреблял Буше д'Аржи, обозначало как гражданское общество, так и государство, потому что авторы «Энциклопедии» не проводили явного различия между тем и другим.

Но в других изданиях ясно видно различие в осмыслении и употреблении понятий «государство» и «общество». Так, одно из определений слова «государство» в четвертом издании «Словаря Французской академии» (1762) звучит так: «Государство – Правительство народа, живущего под властью Государя или в Республике». Определение иллюстрируется примерами: «Монархическое, Демократическое, или народное, Аристократическое Государство. Великое, могущественное, процветающее Государство. Реформировать Государство. Ниспровергнуть, потрясти, разрушить Государство. Благо, процветание Государства. Подорвать основы Государства. Государственный министр. Государственный секретарь. Государственный совет. Государственный советник. Максимы Государства. Фундаментальные законы Государства. Это великий государственный

деятель. Государственный преступник. Государственный интерес. Государственное преступление»⁵⁷. В «Универсальном словаре» А. Фюретьера государство определяется как «Империя, Королевство, Провинция или пространство страны, находящиеся под одной властью. (...) *Государство*, говорится также о Политике или о способе, коим управляется нация. Политики изобрели несколько форм *Государств*, или Правительств: Монархическое, как во Франции; Демократическое, как в Риме и в Афинах; Олигархическое, как в Венеции; Аристократическое, как в Спарте...»⁵⁸. В «Словаре Треву» в статье «Государство» читаем: «*Государство*. Империя, Королевство, Провинция или территория страны, находящаяся под властью одного правительства. (...) *Государством* называют также Правительство народа, живущего под властью одного Суверена или в Республике»⁵⁹. Подобным же образом «Критический словарь французского языка» Ж.-Ф. Феро определяет государство как «Правительство. Монархическое, Демократическое или Народное и т.д. *Государство*. Королевство или Республика»⁶⁰.

Что касается общества, то указанное издание «Словаря Французской академии» определяет его как «собрание людей, объединенных природой или законами, естественное общение (*commerce*) одних людей с другими». В качестве примера употребления слова «общество» в словаре приводится выражение «гражданское общество» (*La société civile*)⁶¹. Согласно «Универсальному словарю» А. Фюретьера, общество – это «собрание нескольких человек в одном месте для взаимопомощи при необходимости»⁶². «Словарь Треву» к определению, заимствованному у Фюретьера, добавляет: «Естественное состояние людей есть состояние союза и *общества*; *общество* есть не что иное, как союз нескольких людей ради их пользы. (...) Человеческое *общество* можно рассматривать или как охватывающее весь человеческий род, подобно одной большой семье; или как ограниченное рамками наций или народов, состоящих из нескольких частных семей, каждая из которых имеет свои права. *Общество*, рассматриваемое в этом последнем смысле, называется гражданским *обществом*. Его можно определить как собрание людей, соединенных вместе под властью одного правительства и одних и тех же законов»⁶³.

Во всех рассмотренных случаях разница в толкованиях понятий «государство» и «гражданское общество» очевидна: в первом случае речь идет о политическом устройстве и типе правления, а во втором – об объединении, общности людей. И в «Словаре Французской академии», и у Фюретьера, и в «Словаре Треву» эти понятия разграничены достаточно четко, хотя и увязаны друг с другом. В частности, в «Словаре Треву» за определением гражданского об-

щества следует отсылка к статьям «Государство» и «Политическое тело» (*Corps Politique*)⁶⁴. Различие между государством и обществом очевидно в рассуждениях маркиза де Лувилля и маркиза де Молеврие-Ланжерона, когда, говоря о государстве, они отдают предпочтение метафоре машины, а говоря об обществе – метафору тела и семьи.

Социальные метафоры встречались не только в текстах, но и в качестве визуальных образов. В таких случаях особенно широко использовалась метафора тела. Она могла быть двоякого рода. Во-первых, на монетах, медалях, парадных портретах, в статуях и декоративном убранстве официальных празднеств телесным воплощением государства предстало изображение царствующего короля⁶⁵. Во-вторых, на многочисленных гравюрах и эстампах, призванных увековечить память о значительных событиях в жизни французского государства, Франция символически изображалась в виде женской фигуры, обычно с короной на голове и в платье или мантии, украшенных геральдическими лилиями. Так, на гравюре, посвященной бракосочетанию дофина Людовика и Марии-Жозефы Саксонской в 1747 г., союз новобрачных благословляют аллегорические фигуры Франции и Саксонии⁶⁶. Позднее Франция предстанет облаченной в траур по случаю кончины этого принца и будет держать его портрет. После смерти Людовика XV Франция в трауре на ступенях трона встречала и приветствовала его преемника⁶⁷. На другой гравюре, изготовленной по случаю восшествия на престол Людовика XVI, женская фигура Франции указывает богине Славы на портреты короля и королевы⁶⁸. На гравюре, посвященной коронации Людовика XVI, Франция в виде женщины со скипетром в руке поднимается по ступеням алтаря, где преклонил колени король⁶⁹. На гравюрах 1781 г., когда в королевской семье появился долгожданный наследник, Франция держит на руках новорожденного дофина⁷⁰. На эстампе, аллегорически запечатлевшем отмену реформы Мопу и восстановление парламентов в 1774 г., Франция представляла королю коленопреклоненного магистрата⁷¹. Антропоморфная фигура Франции помещалась на фронтисписе разных изданий «Отчета королю», опубликованного в 1781 г. генеральным директором финансов Жаком Неккером. Здесь можно было видеть, например, как Франция, предводительствующая королевским флотом, одной рукой опирается на «Отчет королю», а в другой держит рог изобилия. Или же как она в виде воительницы в числе прочих аллегорических фигур (Истории, Верности, Человечности, Правосудия) приходит воздать почести к Храму Памяти, где воздвигнута пирамида во славу Неккера⁷². На гравюре «Надежда Франции», посвященной предстоящему открытию Генеральных штатов в 1789 г., Фран-

ция поднимала на алтарь медальон с изображениями Людовика XVI и Генриха IV⁷³.

Визуальные образы могли выражать концепты как мистическо-го, так и политического тела. Олицетворением французского государства предстал либо сам король, либо изображаемая отдельно от него, хотя и рядом с ним аллегорическая женская фигура. Это распространённое «телесное» изображение Франции в виде сопровождающей короля женской фигуры можно также интерпретировать как визуализацию метафоры политического брака между королем и государством.

* * *

Функции рассмотренных метафор были многообразны. Среди них прежде всего стоит выделить *эвристическую*. Как говорил Поль Рикёр, «метафора есть стратегия дискурса, при помощи которой язык освобождается от функции прямого описания, чтобы подняться на мифический уровень, на котором освобождается его функция открытия»⁷⁴. Метафора машины помогала аббату де Сен-Пьеру объяснить, как работают государственные учреждения. Метафора тела служила для шевалье де Жокура и Ж.-Ж. Руссо наглядным выражением концепции государства как носителя коллективной воли граждан. Сопоставляя три метафоры – семьи, тела и машины, – маркиз де Лувиль стремился дать всеобъемлющую характеристику французской монархии с присущими ей абсолютной властью короля, неизбежностью фундаментальных законов и иерархией сословий. Примечательно, что в двух книгах, авторы которых пытаются осмыслить историю падения монархии во Франции в политико-дискурсивном и политико-имагологическом измерениях, в центре интерпретационной модели оказывается метафора. В одном случае это метафора тела: на ее примере Антуан Де Бек показывает, как репрезентирующая государство и общество фигура короля заменяется фигурой нового суверена – гражданина⁷⁵. В другом – метафора семьи, дающая возможность Линн Хант рассматривать революционный кризис государства в корреляции с кризисом семьи⁷⁶.

Метафора государства-машины у аббата де Сен-Пьера служила также *поиску выхода из кризисных ситуаций* и обоснованию стратегии политических реформ. Обращение к метафоре машины и курс на реформы выглядят взаимосвязанными: реформы для государства столь же необходимы, как периодический техосмотр и ремонт для машины.

Метафоры служили и целям *пропаганды*. Обращение к метафоре семьи в публичных речах и официальных документах популяризо-

вало образ короля-отца нации. Антропоморфный образ Франции на гравюрах и эстампах работал на ту же идею союза между королем и страной, нацией.

Наконец, в тех случаях, когда метафора переходила в разряд *стертых*, она вообще переставала восприниматься как метафора, и потому о каких-либо ее функциях говорить не приходится. Сказанное относится, в первую очередь, к выражению «политическое тело» (*le corps politique*), в котором метафора государства-тела к XVIII в. уже в значительной мере стерлась.

Смыслы, передаваемые с помощью различных метафор, особенно если речь шла о метафорах тела и машины, казалось бы, противоречили друг другу. Каждая из них соответствовала определенной концепции государства/общества. В одном случае государство и общество представлялись как живой организм, в другом – как бездушный механизм. Но в действительности, как мы видели, все три метафоры могли соседствовать у одного и того же автора и даже в одном и том же тексте. Такое сближение объяснимо. Отчасти ему способствовала отмеченная выше стертость метафоры тела. Выражение «политическое тело» в XVIII в. звучало примерно так же, как сейчас «государственная машина». За этой стертой метафорой могло стоять соответствующее ей органицистское представление о государственном устройстве, а могло и не стоять. Но еще важнее другое обстоятельство: в представлениях людей той эпохи *a priori* не было жесткого противопоставления неживой машины живому организму. В частности, на протяжении всего XVIII в. многие врачи являлись сторонниками направления в медицине, называемого иатромеханизмом. Опираясь на идеи Р. Декарта, они считали, что и животное, и человек – это машины и что любой организм работает по законам механики. Пример такого уподобления человеческого тела машине мы могли видеть в сочинениях аббата де Сен-Пьера.

Метафоры тела и машины сближало то, что они выражали естественно-научный подход к изучению государства/общества. Именно в таком смысле обе метафоры поставлены в один ряд у А.-Р.-Ж. Тюрго: «Обнаружить влияние общих и необходимых причин, частных причин и свободных поступков великих людей и соотнести все это с устройством самого человека; показать пружины и механику моральных причин через их следствия: вот что такое история в глазах философа. Она опирается на географию и хронологию, которые измеряют дистанции во времени и в пространстве»⁷⁷.

Но при этом каждая из рассмотренных метафор несла в себе определенный комплекс представлений о государстве, политике и королевской власти. Метафора машины и механицистская концепция государства удачно подходили для обоснования полити-

ки реформ и «просвещенного деспотизма». Монарх-реформатор, «просвещенный деспот», руководствуясь собственным разумом и по собственной воле, мог усовершенствовать или заменить любые детали подвластной ему машины. Неслучайно автор работ о государственной машине аббат де Сен-Пьер, в отличие от большинства его современников, употреблял термины «деспотизм» и «деспотическое государство» во вполне позитивном смысле. В частности, он критиковал Людовика XIV за то, что тот не довел до конца рационализацию французского государства. Если бы он это сделал, то правление во Франции стало бы, по словам Сен-Пьера, более деспотическим, но, вместе с тем, и более спокойным, что для подданных, несомненно, было бы лучше⁷⁸.

Если монарх-демиург способен сотворить государство-машину, то государство-тело может создать только Творец. Государство-семья король-отец в состоянии построить, но лишь с помощью и при участии своих подданных. И этим двум метафорам – телу и семье – отдавалось явное предпочтение в официальном политическом дискурсе и иконографии. Особой популярностью пользовалась телесная метафора. Она часто встречалась не только в вербальной, но и в визуальной форме. Как отмечал А. Де Бек, в конце XVIII в. телесная метафора распространилась, как никакая другая, потому что именно в ней удачно соединились яркая, впечатляющая образность (Монархия в образе короля или Республика в образе Марианны) и научный дискурс (уподобление государства и общества живому организму открывало возможность для их естественно-научного познания)⁷⁹. Из вербальных метафор от нее не отставала семейная, хотя для нее и не нашлось адекватного визуального образа (если, конечно, не считать таковым изображение короля в сопровождении олицетворяющей Францию женской фигуры). Метафоры государства-тела и государства-семьи выражали представления о такой монархии, где король и подданные неразрывно связаны взаимными обязательствами и подчинены законам, установленным свыше.

«Король-механик» волен по своему усмотрению заменять одни колесики и винтики вверенной ему машины на другие, так что метафора машины несет в себе идею «перед королем все равны». В отличие от нее, метафоры тела и семьи как нельзя лучше символизировали иерархическое, патерналистское общество Старого порядка.

Наконец, в метафорах тела и семьи была заложена еще одна, очень важная для французской монархии идея, что королевская власть – это феномен естественного порядка, и потому любые посяательства на нее крайне опасны для социального организма в целом. В метафоре государства-машины такой идеи нет: одного машиниста можно при необходимости заменить другим. Антропо-

морфное видение общества было по сути своей унитарным. Как тело не может жить без головы и других жизненно важных органов, так и разрыв социальных связей неизбежно приведет к гибели всего организма. Голову заменить нельзя, точно так же и в семье невозможно заменить детям родного отца. Связь тела с головой и связь семьи с отцом природны и неразрывны. Активное использование этих двух метафор отвечало официальному образу французской монархии – естественной, традиционной и ничего общего не имеющей с деспотизмом.

Впрочем, как мы видели, даже политическое тело могло существовать отдельно от короля, хотя и в союзе с ним. Аллегорическая женская фигура, персонифицировавшая французское королевство, таким образом, предвосхищала другой женский образ – пришедшую ей на смену республику-Марианну.

¹ Например, ведомство, по своим функциям и компетенции примерно соответствовавшее министерству внутренних дел в государстве Новейшего времени, называлось Государственным секретариатом королевского дома (*le secrétariat d'Etat de la Maison du Roi*).

² См., например: *Louis XIV. Mémoires*. P., 1978. P. 90.

³ *Remontrances du Parlement de Paris au XVIIIe siècle / Publ. par J. Flammermont et M. Tourneux*. P., 1895. Т. 2. P. 558.

⁴ *Louis XVI. Réflexions sur mes entretiens avec M. le duc de La Vauguyon par Louis-Auguste, Dauphin // Oeuvres de Louis XVI*. P., 1864. Т. 1. P. 212.

⁵ *Etats généraux. Séance royale. Du mardi 23 juin 1789. Le discours du roi // Archives parlementaires*. P., 1875. Т. 8. P. 143.

⁶ *Louis XVI. Pensées manuscrites de la main de Louis XVI et puisées dans les ouvrages de Stanislas Leczinsky, roi de Pologne, son aïeul // Oeuvres de Louis XVI*. Т. 2. P. 13.

⁷ *Платон*. Государство. Кн. 8–9; *Аристотель*. Политика. Кн. I. I, 1–12, Кн. IV. III, 9–11.

⁸ Рим. 12: 4–5; *Блаженный Августин*. О Граде Божием. Кн. III. Гл. 10.

⁹ Во французской литературе его имя обычно переводят как Жан де Тервермей или Жан де Терруж.

¹⁰ См.: *Barbey J. La Fonction royale. Essence et légitimité d'après le Tractatus de Jean de Terre vermeille*. P., 1983; *Krynyn J. Idéal du prince et pouvoir royale en France à la fin du Moyen Age (1380–1440). Etude sur la littérature politique du temps*. P., 1981.

¹¹ *Joannes de Terra rubea contra rebelles suorum regum (1420)*. См. о нем: *Contamine Ph. Mourir pour la patrie. X^e–XXe siècle // Les lieux de mémoire*. P., 1986. Т. II, part. 3. P. 20.

¹² *Seyssel Cl. de. La Monarchie de France / Publ. par J. Poujol*. P., 1961. О короле как главе тела монархии у французских авторов XVI в. см.: *Крузе Д. Король и насилие: из истории французского абсолютизма XVI в. // Французский ежегодник*. 2005. М., 2005. С. 156–157.

¹³ *Десимон Р. Политический брак короля с республикой во Франции XV–XVIII вв.: функции метафоры // Анналы на рубеже веков: Антология*. М., 2002. С. 188.

- ¹⁴ Гоббс Т. Левиафан. М., 2001. С. 226–229.
- ¹⁵ См., например: Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: В 3 т. М., 1985–1988. Т. 3. С. 312, 317.
- ¹⁶ См., например: Гоббс Т. Указ. соч. С. 117, 142.
- ¹⁷ См., например: Крузе Д. Указ. соч. С. 156–157.
- ¹⁸ Боден Ж. Метод легкого познания истории. М., 2000. С. 242.
- ¹⁹ Bossuet J.-B. Politique tirée des propres paroles de l'Écriture Sainte, à Monseigneur le Dauphin. Ouvrage posthume de messire Jacques-Benigne Bossuet. P., 1709. P. 81.
- ²⁰ Soanen J. Sermon sur l'amour de la patrie (1683) // Collection intégrale et universelle des orateurs sacrés (...): 99 vol. / Ed. par l'abbé J. P. Migne. P., 1844–1855. Vol. 40. P. 1284.
- ²¹ Pascal B. Pensées. P., 1958. P. 117.
- ²² О распространении метафоры государства-машины в связи со становлением абсолютной монархии см.: Stollberg-Rilinger B. Der Staat als Maschine. Zur politischen Metaphorik des absoluten Fürstenstaats. В., 1980.
- ²³ Об образе «короля-машиниста» – одновременно режиссера и героя политического спектакля см.: Apostolidès J.-M. Le roi-machine. Spectacle et politique au temps de Louis XIV. P., 1981.
- ²⁴ Réal de Curban. La science du gouvernement. P., 1765. P. 104–105. Цит. по: Десимон П. Указ. соч. С. 187.
- ²⁵ Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Nouv. éd. Genève, 1778. Т. 13. P. 151–152.
- ²⁶ Руссо Ж.-Ж. Об общественном договоре. СПб., 1907. С. 27–28.
- ²⁷ Десимон П. Указ. соч. С. 189–193.
- ²⁸ Dictionnaire de l'Académie française. 1re éd. P., 1694. Т. 1. P. 251.
- ²⁹ Guyot P.-J.-J. et al. Traité des droits, fonctions, franchises, exemptions, prérogatives et privilèges annexés en France à chaque dignité, [...] ouvrage de plusieurs jurisconsultes et gens de lettres (...): 4 vol. P., 1786–1788. Vol. 1. P. 2. Авторами трактата были адвокаты Парижского парламента Буше д'Аржи-отец, Де Сез, Гарран де Кулон, Анрион де Пансе, Робен де Мозас, Трейяр, советник Парижского парламента Буше д'Аржи-сын и адвокат парламента Фландрии Мерлен.
- ³⁰ Ibid. P. 129–141.
- ³¹ Ibid. P. 343–348.
- ³² Furetière A. Dictionnaire universel. Genève, 1970. Т. 1. «Corps» [пагинация отсутствует].
- ³³ Dictionnaire universel françois et latin vulgairement appelé Dictionnaire de Trévoux. Nouv. éd. revue, corr. et augm. Trévoux, 1721. Т. 2. P. 257.
- ³⁴ Furetière A. Dictionnaire universel. Т. 2. «Famille».
- ³⁵ Dictionnaire universel françois et latin vulgairement appelé Dictionnaire de Trévoux. Т. 7. P. 743.
- ³⁶ Encyclopédie Méthodique. Jurisprudence. P., 1787. Т. 7. P. 609.
- ³⁷ Ibid. P., 1784. Т. 4. P. 471.
- ³⁸ Castel de Saint-Pierre, Ch.-I. Plan d'Education des Daufins // Ouvrages politiques de Mr. l'Abbé de St. Pierre, Charles Irenée Castel, de l'Academie Franceze. Rotterdam, 1734. Т. 6. P. 162–163.
- ³⁹ Idem. Observations qui regardent le Ministère général // Ouvrages politiques de Mr. l'Abbé de St. Pierre. Т. 6. P. 33.
- ⁴⁰ Ibid. P. 34.

- 41 Ibid.
- 42 Discours sur la polysynodie, où l'on demontre que la Polysynodie, ou pluralité des Conseils, est la forme de Ministère la plus avantageuse pour un Roi, & pour son Royaume. Par M-r l'Abbé de St. Pierre, ci-devant de l'Academie Française. 1719. P. 71.
- 43 Ibid. P. 147.
- 44 Ibid. P. 139–140.
- 45 Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 319. Оп. 1. Д. 460. Л. 4.
- 46 Там же. Л. 6.
- 47 Esquisse de l'ancien gouvernement français, tracée pour l'instruction de Monsieur le Dauphin, fils de Louis XVI // *Allonville A.-F., comte d'*. Mémoires secrets de 1770 à 1830. 6 vol. Bruxelles-Leipzig, 1838. Т. 2. P. 12 («Эскиз» де Лувилля был опубликован его племянником графом д'Алонвилем).
- 48 Ibid. P. 29–30.
- 49 Ibid. P. 34.
- 50 Ibid. P. 40.
- 51 Ibid. P. 40–41.
- 52 Ibid. P. 78.
- 53 Ibid. P. 93–94. Эта апология консервативных французских порядков сочинялась в 1788 г., в самый разгар предреволюционного политического кризиса и, конечно, носила полемический характер. Примечательно, как отчетливо здесь, еще до революции, прозвучала антитеза свободы и равенства.
- 54 *Descimon R.* «Etat» // *Dictionnaire européen des Lumières / Sous la dir. de M. Delon.* P., 1997. P. 433.
- 55 Encyclopédie ou Dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Т. 13. P. 151.
- 56 Ibid. Т. 31. P. 230.
- 57 Dictionnaire de l'Académie française. 4me éd. P., 1762. Т. 1. P. 675.
- 58 *Furetière A.* Dictionnaire universel. Т. 2. «Etat».
- 59 Dictionnaire universel françois et latin vulgairement appelé Dictionnaire de Trévoux. Т. 3. P. 888.
- 60 *Féraud J.-F.* Dictionnaire critique de la langue française. Marseille; Mossy, 1787–1788. P. B163b // (<http://portail.atilf.fr/cgi-bin/dico1look.pl.stripedhw=etat>)
- 61 Dictionnaire de l'Académie française. P. 733 // (<http://portail.atilf.fr/cgi-bin/dico1look.pl.stripedhw=societe>)
- 62 *Furetière A.* Dictionnaire universel. Т. 4. «Société».
- 63 Dictionnaire universel françois et latin vulgairement appelé Dictionnaire de Trévoux. Т. 7. P. 743.
- 64 Правда, политическим телом в «Словаре Треву» именуется не государство или общество, а составляющие их сословия и корпорации.
- 65 См.: *Marin L.* Le portrait du roi. P., 1981. P. 145–205.
- 66 Bibliothèque Nationale de France. Département des estampes. Collection de Vinck Т. 1. Fol. 7.
- 67 Ibid. Т. 1. Fol. 10; Т. 2. Fol. 26.
- 68 Ibid. Т. 1. Fol. 67.
- 69 Ibid. Fol. 70.
- 70 Ibid. Т. 5. Fol. 16–19.
- 71 Ibid. Т. 8. Fol. 32.

⁷² Ibid. Fol. 51–52.

⁷³ Ibid. Fol. 67.

⁷⁴ Ricoeur P. La Métaphore vive. P., 1975. P. 311.

⁷⁵ De Baecque A. Le corps de l'histoire. Métaphores et politique (1770–1800). P., 1993.

⁷⁶ Hunt L. The Family Romance of the French Revolution. Berkeley-Los Angeles, 1993.

⁷⁷ Turgot A.-R.-J. Plan d'un premier discours sur l'histoire universelle // Turgot A.-R.-J. Formation et distribution des richesses / Textes choisis et prés. par J.-Th. Ravix et P.-M. Romani. P., 1997. P. 97.

⁷⁸ Об идее деспотизма у аббата Сен-Пьера см.: Keohane N.O. Philosophy and the State in France: The Renaissance to the Enlightenment. Princeton (N.J.), 1980. P. 369–376.

⁷⁹ См.: De Baecque A. Le corps de l'histoire. P. 12–19.